

В то же мгновение Лэ Янь смахнул последнюю покотившуюся слезу и упрямо сжал губы, силой сдерживая остальные.

Он до смерти боялся, что И Ян просто издевается над ним. Нервно комкая в руках панаму, он во все глаза смотрел на полицейского.

Люди умеют лгать ртом, но глаза их всегда выдают — этому И Ян научил его в самый первый день. И теперь Лэ Янь решил применить знание на практике: он пристально вглядывался в лицо мужчины, пытаясь понять, станет ли тот прятать взгляд.

— Так смотришь на меня... Отомстить, что ли, хочешь? — И Ян протянул руку и аккуратно смахнул слезинку, зависшую на подбородке парня. Сжалившись над плачущим чудом, он подставил плечо. — Ладно уж, на, ударь разок, если полегчает. Но нотацию ты всё равно выслушаешь. Ну что ты за человек такой? Не девчонка ведь, чтобы из-за каждого пустяка сырость разводить. Слышал выражение: «мужские слёзы дороги»? Не стоит плакать по мелочам, а то, когда случится что-то действительно серьёзное, твоим слезам грош цена будет.

Лэ Яню казалось, что И Ян — жутко занудный старик. Ну, если закрыть глаза на его молодое лицо и приятный голос.

Да и откуда кролику знать, дорогие у него слёзы или нет? Если грустно — плачешь. Это чистая физиология, мозг тут бессилён. И уж точно это никак не связано с тем, девчонка ты или парень.

Но фраза «мужские слёзы дороги» звучала чертовски круто. Из всей длинной тирады И Яна кролик был согласен только с ней.

Раз уж полицейский пообещал вернуть письмо, Лэ Янь хвостиком поплёлся за ним в комнату. Он всем своим видом выражал крайнее нетерпение, хотя торопить мужчину вслух так и не отважился.

В словесных перепалках он всё равно никогда не побеждал.

— И ещё... вот что... — И Ян резко остановился и обернулся, досадливо поморщившись. Слова словно застряли у него в горле. Он несколько раз открывал рот, но каждый раз, натываясь на невинный, доверчивый взгляд парня, смущённо осекался.

После недолгой внутренней борьбы он всё-таки решился:

— Заруби себе на носу: нельзя лезть к людям с поцелуями. Это не просто странно, это дико и донельзя неприлично. Тебе повезло, что у меня стальные нервы и хорошее воспитание. Будь на моём месте кто-то другой, ты бы за такие нежности прямо сейчас схлопотал по шее.

— А отбирать чужие письма, по-твоему, нормально? — Лэ Янь тут же надулся и, передразнивая, выдал его же нравоучение обратно. — Ты же полицейский! Как можно без спроса хапать чужие вещи? Это не просто плохо, это отвратительно! Не будь я таким трусом, ты бы сам за это огреб по полной!

— Не путай тёплое с мягким, — усмехнулся И Ян, ничуть не напуганный грозным выпадом. Он зашёл в спальню, продолжая на ходу поучать. — Я взял твоё письмо временно и собирался вернуть. А вот твои лобзания с точки зрения закона квалифицируются как сексуальное домогательство к незнакомому лицу. Подобные фокусы пресекаются на корню. Усёк?

— Не усёк!

Буркнул кролик себе под нос. Упрямство оставалось его единственным оружием в этой неравной борьбе.

Злость злостью, но в глубине души Лэ Янь понимал, что полицейский прав. Хотя, если подходить к вопросу со всей строгостью, стоило сделать разграничение по половому признаку.

Правила приличия ведь обычно касаются отношений между мужчиной и женщиной. А если целуются двое парней или две девушки? По идее, среди своих это не должно считаться домогательством.

Именно поэтому он и чмокнул И Яна. И при необходимости сделает это снова! Ничего предосудительного в этом нет, к тому же сам И Ян как-то заявлял: «Мы оба мужики, чего стесняться?»

— Не усёк он, надо же! Я всё слышу, даже когда ты под нос бубнишь. Ну упрямясь, упрямясь. Жизнь тебя быстро проучит, когда попадётся кому-нибудь погорячее меня. Молодёжь нынче упрямая пошла, чужих советов не слушает. Пока лоб о стену не расшибёте — не поверите.

— Опять заладил своё! — Лэ Янь сердито зыркнул на него и со злостью натянул панаму по самые уши. Всё-таки в полицейской форме И Ян нравился ему куда больше. На службе тот вечно был занят делом, и у него банально не оставалось времени читать нотации.

И Ян выдвинул ящик прикроватной тумбочки, небрежно подцепил двумя пальцами аккуратно сложенный листок бумаги и протянул парню:

— Держи. Сегодня перед стиркой проверял карманы, оно само из конверта вывалилось. Раз эта вещь для тебя так важна, спрячь её куда-нибудь и не таскай с собой.

— Спасибо! — Лэ Янь торопливо вытер вспотевшие ладони о штаны и бережно, едва ли не благоговейно принял листок обеими руками. На фоне небрежного жеста И Яна это выглядело невероятно контрастно.

Спрятав сокровище в надёжное место, Лэ Янь поднял голову, собираясь вежливо поблагодарить хозяина квартиры, но осёкся: И Ян пристально разглядывал его.

Лэ Янь слишком хорошо знал этот взгляд. Точно так же на него смотрели в допросной — цепко, изучающе, взвешивая каждое движение. Разве что сейчас к профессиональному интересу примешивалась изрядная доля снисходительного недоумения, словно перед полицейским сидел набитый дурак.

— Ты... прочитал моё письмо? — настороженно спросил Лэ Янь, хмурясь и всматриваясь в лицо мужчины с нарастающей тревогой.

Лишь единицы среди людей способны обуздать собственное любопытство. Но на Земле живут миллиарды, и большинство из них суют нос куда не следует! С какой стати И Ян должен быть исключением?

Раз он держится так спокойно и равнодушно, вывод напрашивается сам собой: тайны больше нет.

Полицейский промолчал.

"Точно прочитал. Совесть мучает, вот и молчит..."

Лэ Янь совсем пал духом, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слёзы. Ещё немного, и они точно обесценятся.

— Так ты правда его читал?

— Да, — невозмутимо кивнул И Ян. Весь его вид — поза, жесты, выражение лица — излучал абсолютное спокойствие. — Было дело. Листок выпал из моей куртки, так что я должен был проверить, что это вообще такое. К тому же ты сам не удосужился сразу сказать, что потерял письмо, верно?

Всё, пропал.

Сердце у Лэ Яня ушло в пятки. Он поспешно вцепился в свою панаму обеими руками, прижимая её к голове с такой силой, словно пытался удержать разъезжающуюся черепашку. На самом же деле он смертельно боялся, что из-за стресса у него прямо сейчас выскочат длинные пушистые уши.

— Ты мало того что чужую переписку прочитал, так ещё и отдавать не хотел! — запричитал он, глядя на И Яна как на злейшего врага. — Ты... ты хотел использовать это письмо против меня? Сдать меня в участок? Или ты...

— А тебе самому не интересно, что там написано? — лениво поинтересовался И Ян. Он запрыгнул на кровать, уселся по-турецки и скрестил руки на груди, с улыбкой наблюдая за дрожащим от страха пареньком.

— Не надо! Ничего не говори! — Лэ Янь зажал уши руками.

Даже если И Ян заглянул внутрь, сам Лэ Янь не имел права этого делать. Он свято верил: последняя воля ушедшего человека священна. Письмо предназначалось не ему, и любопытство И Яна не могло служить оправданием для нарушения этого негласного запрета. Послание дорогого учителя Шэня должно остаться неприкосновенным.

— Не хочешь — как хочешь, — пожал плечами И Ян. — Особо секретного там всё равно ничего нет, обычные семейные дела.

Он поднялся с кровати и увёл Лэ Яня обратно в гостиную. Там ему пришлось силой отнимать упрямо прижатую к голове панаму. Кое-как стянув её, полицейский покачал головой:

— Ну и ну. В комнате кондиционер работает, а у тебя вся голова мокрая. Самому-то не жарко в этой каске ходить?

На жару Лэ Яню было плевать. Услышав заветное «семейные дела», он мгновенно повеселел, а на душе у него потеплело.

Сопоставив слова И Яна с его безмятежным лицом, кролик окончательно успокоился. Теперь он был на сто процентов уверен: в письме не упоминалось его истинное происхождение.

А значит, его тайна в безопасности. Пока он сам не проговорится, никто на всём белом свете не узнает, что он — кролик-мутант!

Ура!

Лэ Янь расплылся в счастливой улыбке. От переполнявшего его восторга он напрочь позабыл об одной маленькой анатомической особенности: его уши реагировали не только на страх или смущение. Стоило ему потерять контроль от сильной радости, как природа тут же брала своё.

На макушке парня, тихонько шурша, выросли два аккуратных белых треугольничка с нежно-розовой кожей внутри. Короткие, пушистые ушки забавно дрогнули. Левое ухо, видать, слишком долго томилось под тесной панамой, поэтому смешно обвисло набок.

И именно на это подрагивающее пушистое ухо сейчас во все глаза смотрел И Ян.